

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Откровения отъявленной феминистки

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Откровения отъявленной феминистки

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

CAITLIN MORAN

How To Be a
WOMAN

EBURY
PRESS

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

КЕЙТЛИН МОРАН

БЫТЬ
ЖЕНЩИНОЙ

Откровения отъявленной феминистки

Перевод с английского

Москва 2014

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 396
ББК 88.323.1
М79

Переводчик Ольга Ганич
Редактор Юлия Быстрова

Моран К.

М79 Быть женщиной: Откровения отъявленной феминистки / Кейтлин Моран ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 298 с.

ISBN 978-5-91671-331-2

Известная британская феминистка Кейтлин Моран делится собственным опытом и с неподражаемым юмором рассказывает, каково это — быть женщиной в наши дни. Подростковые открытия, первая любовь, карьера, роды, аборт, материнство, пластические операции и «убийственные» стандарты красоты — Кейтлин Моран шокирующе откровенна и безжалостна в своих оценках. В книге, немедленно ставшей бестселлером, она потешается над собственными несовершенствами и высмеивает стереотипы современного общества в отношении «женского вопроса». В исполнении эксцентричной журналистки это получается уморительно и по делу.

УДК 396
ББК 88.323.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Caitlin Moran, 2011

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

ISBN 978-5-91671-331-2 (рус.)
ISBN 978-0-09194-074-4 (англ.)

[>>>](http://kniga.biz.ua)
Купить книгу на сайте kniga.biz.ua

Содержание

Пролог

Мой худший день рождения 9

Глава 1

У меня начались кровотечения... 23

Глава 2

Волосы... ненавистные волосы 45

Глава 3

Грудь – что может быть печальнее? 59

Глава 4

Я феминистка! 71

Глава 5

Мне нужен лифчик! 89

Глава 6

Я толстая! 101

Глава 7

Я сталкиваюсь с сексизмом! 113

Глава 8

Я влюблена! 133

Глава 9

Я иду в стрип-клуб! 153

Глава 10

Я выхожу замуж! 165

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Глава 11

*Я изучаю моду!.....*183

Глава 12

*Почему у вас должны быть дети.....*205

Глава 13

*Почему у вас не должно быть детей.....*223

Глава 14

*Ролевые модели и что мы с ними делаем.....*235

Глава 15

*Аборт.....*257

Глава 16

*Вмешательство в естественный ход вещей.....*273

*Эпилог.....*283

*Благодарности.....*295

В 1990 году 15-летняя Кейтлин Моран была совершенно одинокой, и у нее было вдоволь времени, чтобы написать свой первый роман «Хроники Нармо» (The Chronicles of Narmo). В 16 лет она начала сотрудничать с музыкальным еженедельником *Melody Maker*, в 18 недолго вела поп-шоу «Обнаженный город» (Naked City) на Четвертом канале. После такого бурного начала Моран 18 лет безвылазно трудилась в газете *The Times* в качестве телевизионного критика и автора сатирической колонки о знаменитостях, за которую в 2010 году получила награду британской прессы «Журналист года».

Старшая из восьми детей в семье, Кейтлин росла в Вулверхэмптоне, получила домашнее образование и прочла в детстве гору книг о феминизме — в основном для того, чтобы доказать своему брату Эдди, что она лучше, чем он.

Кейтлин на самом деле не ее настоящее имя. При рождении ее называли Катарина. Но, когда ей исполнилось 13 лет, она встретила имя Кэтлин в романе Джилли Купер и подумала, что в этом что-то есть. Вот почему ее имя произносится таким неправильным образом: Кэтлин.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ПРОЛОГ

Мой худший день рождения

ВУЛВЕРХЭМПТОН, 5 АПРЕЛЯ 1988 ГОДА.

Сегодня мой день рождения, мне исполнилось 13 лет. И я бегу. Я удираю от шпаны.

- Ух ты!
- Ты, бомжара!
- Ну ни фига себе!

Я мечусь по детской площадке возле нашего дома. Это типичная английская игровая площадка конца 1980-х. Ничего похожего на безопасные формы, эргономичный дизайн или хотя бы деревянные скамейки. Кругом сплошной бетон, мятые жестянки из-под пива и заросли чертополоха.

Я бегу. Я задыхаюсь, меня тошнит. Я видела такое раньше в документальных фильмах о природе. Мне понятно, что происходит. Ясно, что мне отведена роль «слабой антилопы, отбившейся от стада». Хулиганы — это «львы».

Я знаю, что для антилопы такие истории почти всегда заканчиваются печально. Вскоре меня ожидает новая роль — я стану «обедом».

- Эй ты, чучело!

На мне резиновые сапоги, дешевые очки, которые делают меня похожей на ботаника-задрота, и армейское пальто моего отца в стиле актеров-неудачников из фильма «Уитнэйл и я». Надо признать, выгляжу я не слишком женственно. Диана,

принцесса Уэльская, женственна. Кайли Миноуг женственна. Я... ни разу не женственна. Так что неудивительно, что хулиганы немного перепутали. Они явно непохожи на тех, кто знаком: а) с иконами контркультуры и б) с вдохновляющими образами радикальных транссексуалов.

Думаю, что они наверняка запутались бы, пытаюсь определить, кто из Энни Леннокс и Боя Джорджа мужчина, а кто — женщина. Не будь они так увлечены погоней, я бы, может, кое-что им объяснила — для их же пользы. Может быть, я рассказала бы им, что читала «Колодец одиночества» — роман известной любительницы брюк, лесбиянки Рэдклифф Холл, и что они должны смириться с тем, что каждый волен одеваться как хочет. Может быть, я бы и Крисси Хайнд¹ упомянула. Она носит одежду мужского покроя. Мои планы вновь прервал вопль:

— Эй ты, бомжара!

Хулиганы на мгновение останавливаются и, по-видимому, совещаются. Я прислоняюсь к дереву и пытаюсь отдышаться. Я измотана до предела. Я вешу 80 кг и явно не создана для гонки преследования. Я отнюдь не спринтер. Переводя дыхание, я размышляю над сложившейся ситуацией.

Вот было бы здорово, если бы у меня была собака. Хорошо обученная немецкая овчарка, которая набросилась бы на этих мальчишек со всей жестокостью. Пес, который тонко чувствует страх хозяина и понимает его причину.

И я вижу в 200 метрах свою немецкую овчарку по кличке Рыжик. Она с наслаждением катается на спине по кучке лисьих какашек и сучит лапами от счастья. Она выглядит абсолютно счастливой. Сегодня ей действительно повезло. Прогулка получилась гораздо длиннее, чем обычно, и можно побегать вволю.

Хотя мне сегодня явно повезло меньше, я тем не менее удивляюсь, когда после минутной паузы хулиганы начинают бро-

¹ Американская певица, композитор, автор песен и гитаристка, вокалистка рок-группы The Pretenders. — *Прим. ред.*

сать в меня камнями. «Это уж слишком», — думаю я и снова пускаюсь наутек.

«Вам не было смысла так стараться, унижая меня! — негодную я. — Я уже и так достаточно унижена! Вы достали меня с этим “бомжарой”».

На самом деле в меня попало лишь несколько камней — не так уж и больно: это пальто прошло через войну, а то и через две. Подумаешь, камушки. Ему и гранаты были нипочем.

Я по привычке начинаю размышлять. Ведь все это время, потраченное на меня, эти мальчишки могли бы заниматься другими, более стоящими делами — нюхать клей и щупать девчонок, которые на самом деле *выглядят как девчонки*.

Как будто прочитав мои мысли, через минуту хулиганы начали терять ко мне интерес. Похоже, что я уже несвежая антилопа. Я все еще бегу, но они просто стоят на месте, лениво бросая камни в мою сторону, пока я не оказываюсь вне зоны досягаемости. Но они все еще кричат.

— Ты, конь в пальто! — кричит их предводитель, словно подытоживая неудавшееся преследование. — Ты... *дерьмо!*

Войдя во двор, я разрыдалась. Если честно, то у нас дома слишком многолюдно, чтобы плакать. Раньше я пыталась. Не успеешь, проливая слезы, объяснить одному человеку, в чем дело, как на середине приходит кто-то еще и хочет услышать историю сначала, а ты уже рассказала самое худшее по крайней мере шесть раз и довела себя до такой истерики, что икота не проходит до конца дня.

Если вы живете в небольшом доме с пятью младшими братьями и сестрами, то на самом деле гораздо разумнее выплакаться в одиночестве.

Я смотрю на собаку.

«Если бы ты была хорошей и верной собакой, ты бы слизывала слезы с моего лица», — думаю я.

Вместо этого Рыжик шумно вылизывает свою промежность.

Рыжик — наша новая собака, и это очень глупая собака. Скажу больше — это еще и очень хитрая собака. Мой отец «выиграл» ее в одном из таинственных пари, которые периодически заключает в пивном баре, пока мы сидим в машине два часа, а он иногда приносит нам чипсы или бутылку колы. Потом он появляется в замешательстве, таща что-нибудь нелепое вроде мешка с гравием или статуи лисы без головы.

Однажды нелепая добыча, с которой он вышел, оказалась годовалой немецкой овчаркой по кличке Рыжик.

— Служила в полиции, — гордо объявил отец, поместив ее с нами на заднем сиденье машины, где она тут же обгадила все вокруг. Дальнейшее расследование показало, что хотя она и была полицейской собакой, но всего одну неделю, пока инструкторы не обнаружили, что она страдает неврозом и боится:

- 1) громких звуков;
- 2) темноты;
- 3) всех людей;
- 4) всех других собак;
- 5) ко всему прочему страдает энурезом.

Тем не менее это моя собака и в некотором смысле мой единственный друг.

— Все путем, старушка! — сказала я, утирая нос рукавом и решив снова стать веселой. — Мы запомним сегодняшний день!

Утерев слезы, я вхожу в дом через заднюю дверь. Мама возится на кухне, заканчивая приготовления к «празднику».

— Ступай в гостиную! — говорит она. — Жди там! **И не смотри на торт!** Это сюрприз!

Гостиная битком набита моими братьями и сестрами. Они везде! В 1988 году нас было шестеро, к концу десятилетия уже стало восемь. Моя мать, словно конвейер, производит маленького, крикливого ребенка каждые два года, регулярно, как часы.

Кэз — на два года младше меня, рыжая нигилистка — лежит на диване. Она не сдвигается ни на дюйм, когда я вхожу. Мне некуда сесть.

— Гм! — говорю я, показывая значок на лацкане пиджака. На нем написано: «Это мой **день рождения!!!**»

Я и думать забыла о слезах. Жизнь продолжается.

— Это все равно закончится через шесть часов, — безразлично говорит она, не двигаясь с места. — Почему бы нам не покончить с этим фарсом прямо сейчас?

— Только шесть часов веселья и осталось! — говорю я. — Шесть часов веселья в день рождения. Кто знает, что может случиться!

На самом деле я безгранично позитивна. Я обладаю энтузиазмом умственно отсталой.

Мое любимое место в мире — южный пляж *Аберистуита*, на который выходит канализационная труба.

Я искренне верю, что наша новая, глупая собака — это реинкарнация нашей старой собаки, даже несмотря на то, что наша новая собака родилась за два года до того, как старая собака умерла.

— Разве вы не видите, она смотрит на нас глазами Спарки! — утверждаю я, глядя на новую глупую собаку. — Спарки по-прежнему с нами!

Кэз презрительно протягивает мне поздравительную открытку. Это моя фотография с подрисованным носом — он составляет примерно три четверти лица.

«Помни: ты обещала съехать, когда тебе исполнится восемнадцать, так что у меня будет своя комната, — сказано там. — Осталось всего пять лет! Если ты не умрешь раньше! С любовью, Кэз».

Уине девять лет, и ее открытка, как ни странно, тоже напоминает мне о моем неизбежном отъезде и ее заселении в мою комнату.

Пространство действительно в большой цене в нашем доме, о чем свидетельствует тот факт, что мне до сих пор негде сесть.

Я уже почти готова сесть на моего брата Эдди, когда заходит мама, держа в руках тарелку с горящими свечами.

— С днем рождения тебя! — поют все.

Мама наклоняется ко мне, сидящей на полу, и ставит передо мной блюдо.

— Задувай и загадай желание, — радостно говорит она.

— Это не торт, — говорю я. — Это багет.

— Начиненный сыром филадельфия! — бодро заявляет мама.

— Это багет, — повторяю я. — И здесь всего семь свечей.

— Ты все равно уже слишком взрослая для торта, — говорит мама и сама задувает свечи. — И каждая свеча считается за два года! Тогда получается 14.

— Да ладно тебе придирааться!

Я ем мой праздничный багет. Это восхитительно. Я люблю сыр филадельфия».

Восхитительный сыр филадельфия! Такой классный! Такой сливочный!

В ту ночь, в постели, которую я делю с моей трехлетней сестрой Принни, я пишу дневник.

«Мой 13-й день рождения!!! — пишу я. — Хлопья на завтрак, колбаса и чипсы на обед, батон на ужин. Всего получила 20 фунтов стерлингов. Четыре открытки и два письма. Завтра мне дадут в библиотеке зеленый (подростковый) билет!!! Сосед спросил нас, не хотели бы мы взять несколько стульев, которые он собирался выбросить. Мы сказали: “Да!”»

Я с минуту смотрю на запись. Я должна записать все. Я не могу опустить плохое.

«Мальчишки на улице грубо обзывали меня, — медленно пишу я. — Это потому, что у них растут пиписьки».

Я прочитала достаточно о половой зрелости, чтобы знать, что пробуждение сексуального желания часто заставляет подростка вести себя грубо по отношению к девочкам.

Я также знаю, что в моем случае *это не было* подавленным желанием у парней, бросавших в меня камни. Но я не хочу, чтобы в дневнике говорилось о моих разочарованиях. В отношении записей в дневнике у меня была сверхзадача: этот дневник предназначался только для позитива.

Я смотрю на запись в мой тринадцатый день рождения. На миг реальность предстает передо мной во всей своей безжалостной ясности. Вот я делю свою кровать с младшей сестрой и ношу вместо пижамы старое отцовское термобелье. Мне 13 лет, я вешу почти 80 килограммов, у меня нет друзей, и мальчишки бросают в меня камнями. Это мой день рождения, и я в постели в восемь вечера.

Я принимаюсь за последнюю страницу дневника. Это место, куда я записываю «долгосрочные» задачи, которые нужно решить. Например, там есть пункт «Мои отрицательные качества».

Мои отрицательные качества

- 1) Я слишком много ем.
- 2) Я не занимаюсь никакими физическими упражнениями.
- 3) Страдаю вспышками ярости.
- 4) *Все плохо.*

«Мои отрицательные качества» были записаны в канун Нового года. Через месяц я написала отчет о проделанной работе:

- 1) Я больше не ем имбирное печенье.
- 2) Я выхожу с собакой на прогулку каждый день.
- 3) Работаю над собой.

Подо всем этим я подвела черту и написала новый список.

К тому времени, когда мне исполнится 18

- 1) Похудеть!!!
- 2) Научиться хорошо одеваться.

- 3) Завести друзей.
- 4) Выдрессировать собаку.
- 5) Сделать пирсинг?

О боже. Я понятия не имею — абсолютно никакого, — каким образом я когда-нибудь стану женщиной.

Когда Симона де Бовуар сказала «Женщиной не рождаются — женщиной становятся», она представления не имела, о чем говорила.

За 22 года, которые прошли со времени моего 13-го дня рождения, перспектива превратиться в женщину стала, конечно, менее пугающей. Честно говоря, все значительно улучшилось с тех пор, как я приобрела ноутбук и красивую блузку.

Но нельзя не признать: не существует более жестокого или худшего подарка для ребенка, чем эстроген и вдруг ставшие большими сиськи. Если бы кто-нибудь предоставил мне выбор еще до рождения, то, думаю, что, вместо того чтобы стать женщиной, я бы стала космонавтом или пожарным.

В то время я была, как вы можете видеть, слишком занята борьбой с братьями и сестрами, дрессировкой собаки, для того чтобы освободить место в расписании для превращения в женщину. Но жестокая действительность и гормоны в конце концов взяли свое.

Стать женщиной — это все равно что в одночасье стать знаменитой. Из существа, которое обычно доброжелательно игнорируется — а это базовая линия существования большинства детей, — девочка-подросток вдруг начинает привлекать к себе внимание. Ее засыпают вопросами: «Какой у тебя размер? Ты уже делала это? Ты будешь заниматься со мной сексом? У тебя есть паспорт? Ты хочешь курнуть? Ты с кем-нибудь встречаешься? Ты предохраняешься?»

Умеешь ли ты ходить на каблуках? Делаеть ли ты эпиляцию? Хочешь ли ты замуж? Когда ты собираешься завести

детей? Ты феминистка? Ты просто флиртуешь с этим парнем? Чего ты *хочешь*? *Кто ты*?

Все эти смешные вопросы задают 13-летнему человеку просто потому, что он вынужден был надеть лифчик. С тем же успехом их можно задавать моей собаке. Я не имела никакого понятия обо всем этом.

Но, как солдат, попавший в зону военных действий, ты должна быстро освоить военную терминологию и приемы боя. Тебе нужен некий план.

Нужно определить цели и *двигаться* к ним. Потому что, как только гормоны начинают работать, нет никакого способа это остановить. Ты в капкане. В лабиринте, из которого нет выхода. Вы не можете прекратить все это. Это дерьмо происходит, нравится тебе это или нет.

Конечно, кое-кто пытается остановить этот процесс: девушки-подростки, которые пытаются выиграть время, неистово впадая в детство, и останавливаются в районе пяти лет — все в розовом. Их кровати завалены мягкими игрушками, дабы показать, что в них нет места для секса. Они говорят детским языком, чтобы им не задавали взрослых вопросов. В школе я могла видеть, как некоторые из моих одноклассниц определяли собственную судьбу, предпочитая быть не настоящими женщинами, а принцессами, которые просто ждут, чтобы их «нашли» и взяли замуж. Хотя тогда я не анализировала это столь скрупулезно. Я только замечала, что моя одноклассница Кэти Паркс проводит каждый урок математики, рисуя шариковой ручкой сердце на костяшках пальцев и показывая его Дэвиду Морли, которого почему-то возбуждает не сердце, а мой пример деления в столбик.

Есть еще и девушки-камикадзе, которые принимают за войну с собственным гипофизом, пытаясь уморить его голодом или обжорством.

Но в борьбе с самой собой невозможно выиграть. В какой-то момент, израненная и обессиленная, ты вынуждена признать, что придется стать женщиной, иначе умрешь. Жестокая, но вер-

ная истина: быть подростком означает так или иначе изнурять себя. Девочки с сетками бритвенных порезов на руках и бедрах просто напоминают себе, что их тело — поле боя. Если вы не такая смелая, шрамы заменит татуировка или пирсинг. Вы проткнули тело булавкой, чтобы вернуть себя, чтобы напомнить, кем вы являетесь — внутри себя. Где-то. Где-то там.

Как не существует пошагового руководства, как выиграть в лотерею миллион, нет руководства, как стать женщиной. Когда мне было тринадцать, я пыталась найти его. Вы можете прочитать об аналогичном опыте других людей, но такое чтение напоминает ответы в конце задачника. Ответ вы подсмотрите, но сами такую задачу решить не сможете. Это обычно рассказы женщин, которые несмотря ни на что получили *право* быть женщинами, но в итоге оказались скомпрометированными, несчастными, искалеченными или опустошенными, потому что общество их не приняло. Вспомните Сильвию Платт, Дороти Паркер, Фриду Кало, Клеопатру, Жанну д'Арк — все эти женщины в итоге были раздавлены социумом. Ваши с трудом добытые победы могут быть сведены на нет, если вашу борьбу все вокруг воспринимают как никчемную прихоть. Немногие девушки выбрали бы упорство до последней капли крови... и полное одиночество.

Книга «Как быть женщиной» — это моя история обо мне — неосведомленной, фатально заблуждающейся в отношении себя самой, неправильно понимающей, что значит быть женщиной в XXI веке.

Но просто поделиться собственным опытом недостаточно — нужен анализ, аргументы в пользу того, что быть женщиной — это не мучение, а счастье.

Не стоит забывать и о том, что женщины редко откровенны друг с другом, когда речь идет о таких сложных вещах, как аборт, пластические операции, материнство, секс, работа, дискриминация, страхи, или просто о том, как они чувствуют себя в своей шкуре. Обычно женщины говорят правду друг другу, только если они совершенно пьяны. Может быть, рост

женского алкоголизма — это просто попытка современных женщин пообщаться. Ну и, в конце концов, хорошее вино — это действительно здорово. Я согласна с обоими объяснениями.

Итак, есть феномен, который существует ровно затем, чтобы искать и находить такие аргументы. Это феминизм.

Но здесь возникает вторая проблема. Современный феминизм превратился в междусобойчик, своего рода секту, члены которой заняты дискуссиями друг с другом в башне из слоновой кости. Во всяком случае я не могу найти в нем ответы на реально мучающие меня вопросы.

То, что начиналось как настоящая революция, выродилось в пыльный и скучный академизм или в не менее скучный эпатаж. И то и другое не имеет никакого отношения к реальности. Итак, вот что я по этому поводу думаю.

Феминизм — слишком важное явление, чтобы быть обсуждаемым только в научной среде. Я не академический исследователь феминизма, но, ей-богу, проблемы женщин в современном мире требуют безотлагательного решения. А значит, сейчас действительно настало время для того, чтобы знамя феминизма держала над головой не только ученая дама в тяжелых очках, но и беззаботная колумнистка газеты и косноязычная телевизионная ведущая.

Я хочу присоединиться, а не смотреть со стороны. У меня есть что сказать! Тем более что у наших признанных феминисток, судя по всему, и так забот по горло. Камилла Палья исследует феномен Леди Гаги, **абсолютно неправильно** интерпретируя его, на мой взгляд! Члены феминистской организации Object *реально свихнулись* на вреде порнографии и выбыли из строя. У Жермен Грир, моей героини, *едет крыша* по поводу проблем транссексуалов.

И *никто* не разбирается с журналом ОК!, сумочками за 600 фунтов, стрингами и бразильской эпиляцией. А ведь с этим безобразием давно пора разобраться. Жестко «зачистить» всю эту пакость.

Сторонники традиционного феминизма скажут вам, что это не самые важные вопросы; что мы должны сосредоточиться на таких серьезных проблемах, как дискриминация в оплате труда, женское обрезание в странах третьего мира и насилие в семье. И они, конечно же, совершенно неправы и слишком навязчивы в своей борьбе «за мир во всем мире».

Все эти типично женские каждодневные проблемы, мелкие, глупые и скучные, нередко делают жизнь миллионов женщин безрадостной. Это как в «теории разбитых окон»: если в пустующем здании есть хотя бы одно разбитое окно, которое долго не ремонтируют, то вандалы разобьют все остальные.

Точно так же, если мы живем в мире, где волосы на лобке у женщины считаются чем-то неприличным, а известных и влиятельных женщин постоянно приговождают к позорному столбу за то, что они слишком толстые, или слишком худые, или плохо одеты, то в конце концов люди начинают вторгаться в их жизнь и разжигать интерес к ней. Женщин начинают шантажировать. Очевидно, что меня это не устраивает. Я заранее доброжелательно отношусь ко всем людям, но я совершенно не хочу однажды утром увидеть у себя в спальне толпу, обсуждающую мою интимную прическу.

Когда в 1993 году Руди Джулиани стал мэром Нью-Йорка, он применил теорию разбитых окон на практике, реализовав политику «нулевой терпимости»¹. Преступность резко снизилась и продолжала снижаться в течение следующих десяти лет.

Лично я чувствую, что пришло время женщинам ввести свою собственную политику нулевой терпимости в отношении «всей патриархальной мути». И главное здесь вот что: не нужно протестовать против нулевого размера моделей, убогой порнографии, стрип-клубов и ботокса. Ни бунтов, ни голодовок. Нет нужды бросаться под лошадь или даже под осла. Мы про-

¹ Тактика пристрастного отношения правоохранительных органов к участникам потенциально преступных группировок, предполагающая наложение максимально возможных по закону ограничений и санкций даже за незначительные правонарушения или проступки. — *Прим. ред.*

сто должны посмотреть этим явлениям в глаза, а потом начать их высмеивать. Мы отлично выглядим, когда смеемся. Мы нравимся людям, когда они видят нас умиротворенно посмеивающимися.

И вряд ли мы выглядим привлекательно, когда стучим кулаками по столам, даваясь чипсами и бурча: **«Чертов патриархат, мать его!»**

Я не знаю, можем ли мы все еще говорить о «волнах» феминизма — по моим подсчетам, следующая волна будет пятой, а я подозреваю, что после пятой волны стоит ссылаться не на отдельные волны, а на прилив в целом.

Но если пятая волна феминизма все же нахлынет, я надеюсь, главным в ней станет смех. Не ярость, не скандал, не брызганье слюной. А высмеивание всего того, что делает женщин неловкими, одинокими и несчастными.

Так что, если пятая волна феминизма существует, то эта книга — мой вклад в нее. Мое видение. Подробный рассказ о каждом случае, когда я облажалась — частично или полностью, пытаюсь разобраться в том, что такое «быть женщиной».

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ГЛАВА 1

У меня начались кровотечения...

Вообще-то я рассчитывала на то, что меня это не коснется. Я знала, что это происходит с женщинами каждый месяц, но не думала, что это может произойти со мной. Я полагала, что буду в состоянии уклониться от того, чего я не хочу. Честно: я не видела ни одной причины включать это в свое жизненное расписание.

— Я просто не буду беспокоиться! — весело думала я, выполняя десять вечерних приседаний.

Я отношусь к своему списку «К тому времени, когда мне исполнится 18 лет» очень серьезно. Кампания «Похудей» активно продолжается, я не только не ем имбирное печенье, но еще и делаю по десять приседаний и десять отжиманий перед сном. В нашем доме нет зеркала в полный рост, поэтому я понятия не имею, как я выгляжу, но думаю, что с таким темпом к Рождеству буду выглядеть как Вайнона Райдер.

Я узнала о менструации только четыре месяца назад. Моя мать никогда не говорила с нами об этом.

— Я думала, что вы узнаете это все из сериала «Детективное агентство “Лунный свет”», — туманно объяснила она, когда спустя годы я спросила об этом. И только наткнувшись на буклет о тампонах, который проходящая школьница записнула в кусты возле нашего дома, я открыла для себя месячные.

— Я не хочу об этом говорить, — произносит Кэз, когда я захожу в спальню с листом и пытаюсь ей показать.

— Но ты видела? — спрашиваю я, сидя на краю постели.

Она перемещается на другой конец кровати. Кэз не нравится «близкое соседство». Оно ее, мягко говоря, раздражает. В маленьком доме с тонкими стенами, в котором живут семеро, она почти всегда пребывает в ярости.

— Посмотри, это *матка*, а это влагалище, и тампон разбухает в *толщину*, чтобы заполнить... *полость*, — говорю я.

Я только что изучила буклет. Если честно, он очень сильно смутил мой разум. Женская репродуктивная система в поперечном сечении выглядит сложной и какой-то избыточной, как очень дорогая клетка для хомячка. Опять же, я совсем не уверена, что хочу «погружаться» во все это. Я всегда думала, что сделана просто из цельного куска мяса — от таза до шеи — с где-то там болтающимися почками. Как колбаса. Короче, анатомия не моя сильная сторона.

Я люблю любовные романы XIX века, где девушки падают в обморок, если начинается дождь, и военные мемуары. Ни в тех, ни в других нет менструаций.

— И это происходит каждый *месяц*, — говорю я Кэз. Она лежит под одеялом, полностью одетая, в резиновых сапогах.

— Я хочу, чтобы ты ушла, — доносится ее голос из-под одеяла. — Я представляю, что ты умерла. Я не могу ни о чем думать и меньше всего хочу разговаривать с тобой о менструации.

Я замолкаю.

— Не унывай! — говорю я себе. — Всегда есть кто-то, к кому я могу пойти, полагаясь на сочувствие!

Глупая новая собака лежит под моей кроватью. Она забеременела от маленького пса Оскара, который живет через дорогу. Никто из нас не может понять, как это произошло, так как Оскар чуть больше, чем банка консервированной фасоли, а глупая новая собака — это немецкая овчарка.

— Она должна была вырыть яму и распластаться в ней, — с отвращением говорит Кэз. — Она просто умирала, как хотела этого. Твоя собака — шлюха.

— Я скоро стану женщиной, собака, — говорю я.

Собака вылизывает промежность. Я заметила, что она всегда это делает, когда я с ней говорю. Это грустно.

— Я нашла буклет, где говорится, что скоро у меня начнутся месячные, — продолжаю я. — Если честно, собака, то я беспокоюсь. Я думаю, что это будет больно.

Я смотрю в глаза собаки. Она глупа, как куча пробок. В ее глазах плывут галактики пустоты.

Я встаю.

— Я собираюсь поговорить с мамой, — объясняю я. Собака остается под моей кроватью, как всегда, выглядя глубоко подавленной тем, что она собака.

Я нахожу маму сидящей на унитазе. У нее сейчас восьмой месяц беременности, и, держа на руках годовалую спящую Шерил, она пытается пописать.

Я сажусь на край ванны.

— Мама? — говорю я.

Я думаю, что имею право только на один вопрос про «это». На один «разговор о менструальном цикле».

— Да? — отвечает она. Несмотря на то что она писает и держит спящего ребенка, одновременно она отбирает светлое белье из корзины.

— Ты знаешь, что у меня скоро начнутся месячные? — шепчу я.

— Да, — говорит она.

— Будет ли это больно? — спрашиваю я.

Мама на минуту задумывается.

— Да, — в конце концов, говорит она. — Но это нормально.

Ребенок тут же начинает плакать, так что она уже никогда мне не объяснит, почему это «нормально». Это останется невыясненным.

Три недели спустя все начинается. Я не то чтобы радуюсь, как вы понимаете. Все случается в машине по дороге в Центральную городскую библиотеку.

«Моя первая менструация началась: гадость», — записываю я в дневнике.

— Я не думаю, что у Джуди Гарленд когда-либо были менструации, — говорю я собаке этим вечером. Я, плача, разглядываю себя в небольшое ручное зеркальце.

Пакет с гигиеническими прокладками, который моя мама хранит позади ванной двери, сейчас стал и моим. Я чувствую печальную ревность ко всем моим младшим сестрам, которые еще не «присоединились к сообществу». Прокладки, толстые и дешевые, ощущаются между ног как матрас.

— У меня как будто матрас между ног, — говорю я Кэз.

Мы играем в одну из наших игр с куклами. Четыре часа игры, и кукла Кэз Бонни тайно убивает всех на роскошном круизном судне. Моя кукла Лайла пытается разгадать тайну. Одноногий герой Бернард имеет любовные отношения с ними обеими.

Мы постоянно оспариваем обладание Бернардом — ни одна из нас не хочет, чтобы наши куклы были одинокими.

— Ужасный, толстый матрас, — продолжаю я.

— Какой они длины? — спрашивает Кэз.

Прошло десять минут, и шесть прокладок разложены на кровати — теперь это кровати для кукол.

— Ну, круто! — говорю я. — Смотри, Кэз. Это светлая сторона менструации!

Дешевые гигиенические прокладки расползаются между бедер во время ходьбы и протекают. Я отказываюсь от ходьбы на время менструации. Моя первая менструация длится три месяца. Я думаю, что это совершенно нормально. Я регулярно падаю в обморок. Ногти на моих руках и ногах приобретают бледно-голубой цвет. Я не говорю маме, потому что уже задавала свой вопрос о менструациях. Теперь я просто должна иметь с ними дело.

Кровь на простынях вводит в меня депрессию, это не красная кровь, как в мелодрамах и детективах, а скучная коричневая, как при обычном заболевании. Это выглядит так, как будто я проржавела изнутри. Пытаясь избежать застирывания пятен каждым утром, я запихиваю в трусики огромные пачки туалетной бумаги вдобавок к бесполезным гигиеническим проклад-

кам и всю ночь лежу неподвижно. Иногда появляются огромные сгустки крови, которые выглядят как сырая печень. Я предполагаю, что это содержимое моего чрева, выходящее слоями толщиной в дюйм, что это и есть настоящая менструация. Меня не покидает тоскливое ощущение: происходит что-то ужасное, но бить в связи с этим тревогу против правил. Я часто думаю обо всех женщинах в истории, которым пришлось иметь дело с этим дерьмом, пользуясь только тряпками и холодной водой.

«Неудивительно, что мужчины угнетали женщины веками», — думаю я в ванной, выскребая штаны щеткой и хозяйственным мылом. Отчищать засохшую кровь от хлопковой ткани — это что-то.

До того как была изобретена стиральная машина, мы все были слишком заняты *стиркой* для того, чтобы бороться за всеобщее избирательное право.

Несмотря на то что Кэз на два года младше меня, у нее первая менструация начинается через шесть месяцев после моей, тогда же, когда ко мне приходит вторая. Когда все засыпают, она заходит в мою спальню плачущая и шепчет ужасные слова: «У меня началась менструация».

Я показываю ей пакет с гигиеническими прокладками на двери ванной и рассказываю, что делать.

— Положи в трусики и не ходи в течение трех месяцев, — говорю я. — Это просто.

— Будет ли это больно? — спрашивает она, широко раскрыв глаза.

— Да, — говорю я в благородной взрослой манере. — Но это нормально.

— Почему это нормально? — спрашивает она.

— Я не знаю, — отвечаю я.

— А почему тогда ты так говоришь? — спрашивает она.

— Я не знаю.

У Кэз начинаются ужасные спазмы. Она лежит в спальне с задернутыми занавесками, обложившись бутылками с горячей водой и крича «Отвали!!!» любому, кто пытается войти

в комнату. Как истинная хиппи мама не «верит» в обезболивающие и пичкает нас целебными «травками». Мы сидим в постели, давясь настоем шалфея. Никто из нас не может поверить, что с этим придется мириться следующие 30 лет.

— Я не хочу детей, — говорит Кэз. — Зачем мне месячные?! Я хочу, чтобы моя репродуктивная система была вынута и заменена запасными легкими, когда я начну курить. А это все бессмысленно.

На данном этапе, кажется, нет абсолютно ничего, что заставило бы меня захотеть стать женщиной. Половые гормоны — это фигня, которая превратила меня из веселого ребенка в кровоточащую, плачущую, падающую в обмороки прачку. Эти гормоны ничуть не приблизили меня к обретению женственности: каждую ночь я лежу в постели, чувствуя себя несчастной, а прокладка в трусиках выглядит как «хрен».

Я снимаю с себя все и достаю ночнушку из ящика. В этот момент собака выползает из-под кровати и начинает грызть мою окровавленную прокладку. Изжеванные клочки красной ваты разбросаны по всему полу, а мои трусы свисают у нее из пасти. Она уставилась на меня с безрассудным отчаянием.

— О боже, твоя собака — это лесбийский вампир, — говорит Кэз со своей кровати, отворачиваясь, чтобы заснуть.

Я иду отобрать у собаки трусы и падаю в обморок.

Однако в разгар этого гормонального мрака наконец прибывает кавалерия — спускаясь с холма, звеня шпорами и сверкая на солнце эполетами: моя зеленая библиотечная карта. Сейчас, когда мне исполнилось 13 лет, я могу получать из библиотеки взрослые книги без необходимости брать карту у родителей. А это значит, что могу брать непристойные книги. Книги про секс.

— У меня были эти мечты, — говорю я собаке, когда мы идем в библиотеку.

Библиотека находится на другой стороне лужайки, гигантского участка, заросшего травой, где вы постоянно должны быть настороже из-за шпаны. Ее нельзя пересекать посередине —

это тебя сразу выдаст. Нужно красться с краю — недалеко от домов, чтобы жители ближайших домов могли без бинокля разглядеть, как вас ударят ногой по голове.

— Мечты о... мужчинах, — продолжаю я. Я смотрю на собаку. Собака оглядывается на меня. Я думаю, что собака заслуживает того, чтобы знать всю правду.

— Я влюблена в Чеви Чейза, — говорю я собаке, готовая лопнуть от радости. — У меня был сон, в котором он поцеловал меня, и это было так возбуждающе. Я собираюсь спросить папу, не можем ли мы взять «Три амиго» в пятницу в видеопрокате.

Взять «Три амиго» из видеопроката — план, конечно, смелый. Мне придется применить множество тонких маневров, но оно будет того стоить. Я еще не рассказала собаке, но мысль о поцелуе Чеви Чейза так меня возбудила, что вчера я 16 раз прослушала, как он поет «Зови меня Ал», воображая, как он касается моего лица, в то время как Пол Саймон играет соло на басу. Я запала на Чеви. Я даже представляла свое первое слово ему — то самое, что завоюет его сердце.

— Чеви Чейз? — скажу я на вечеринке, которая очень напоминает ту, которую я видела в сериале «Династия». — Вы случайно не из Каннок-Чейз?

Каннок-Чейз находится недалеко от дороги А5, ведущей в графство Стэффорд. Рожденный в Лос-Анджелесе, кинозвезда и комик Чеви оценит эту шутку.

Конечно, у меня и раньше были увлечения. Ну, одно. Оно оказалось не то чтобы удачным. Когда мне было семь, я увидела эпизод из фильма «Бак Роджерс» и влюбилась в этого дурацкого американского космического ковбоя, так похожего на Хана Соло из «Звездных войн».

Я открыла, что такое любовь — это просто значит чувствовать, что тебе... интересно жить. Более чем когда-либо.

Мне было интересно абсолютно все, что было связано с Баксом. Рассматривать его лицо было интересно. То, как он держал легкий пластиковый лазерный пистолет, будто это очень тяжелое оружие, было очень интересно. Музыкальная